

Петербургские
Детективные
Тайны

ВЫСОКО
НАД
СТРАХОМ

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Мартова, Людмила.

М29 Высоко над страхом : [роман] / Людмила
Мартова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. —
(Петербургские детективные тайны).

ISBN 978-5-04-099515-8

Лидия была вынуждена уехать, чтобы начать новую жизнь. Ей до последнего не верилось, что родной Славка способен на такое предательство. Могла ли она когда-нибудь представить, что ее семью разрушит молоденькая медсестричка? Все произошло быстро и банально, но что делать дальше? Лидя лишь хотела залечить раны и побыть наедине с собой, а оказалась в центре загадочных и опасных для жизни событий. Она даже не подозревала, какие тайны скрывает ее служебная квартира, в которой с каждым днем ей становилось все хуже. Но мало ей было своих проблем, так еще пришлось помочь соседу, купившему городской порт, провести настоящее расследование. Ведь ночью там случился пожар и произошло жестокое убийство, и кто знает, чем бы все обернулось для Ивана, если бы Лидя не оказалась рядом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099515-8

© Мартова Л., 2019
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2019
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2019

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны
Сауловы... В тот час дрожи,
Тицета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Марина Цветаева

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Судьба бросается под ноги

*Будущее, как известно,
бросает свою тень задолго
до того, как войти.*

Анна Ахматова

Машина попала колесом в очередную яму, и Корсаков привычно выругался. Несмотря на очень приличный водительский стаж и неплохие навыки езды по бездорожью, он никак не мог приноровиться ездить по этому городу.

Впрочем, это было невозможно. Как любила говорить его младшая сестра, цитируя какой-то дурацкий западный фильм, «миссия невыполнима». Даже по центральной улице нельзя было спокойно проехать, что уж говорить о кривых грязных улочках, ведущих в какую-то иную, существующую за гранью реальности жизнь.

Большинство ям в декабрьскую, совсем не предновогоднюю распутицу были коварно скрыты талой водой, поэтому заметить их, чтобы хоть как-то увернуться, было совершенно невозможно. Впрочем, декабрь был ни

при чем. Лужи надежно маскировали ямы и в сентябре, когда шли дожди, а Корсаков только приехал в этот город, и в ноябрьский снег, и, наверное, всегда.

Лужи и грязь были в явном сговоре с ямами, которые, пользуясь надежной маскировкой, казалось, каждую ночь перебежали с места на место, чтобы с утра кинуться под колеса корсаковской машины. Спустя три месяца жизни в этом проклятом, богом забытом месте он был уже практически уверен в том, что ямы могут перемещаться и нарочно попадаться ему на пути, чтобы довести до белого каления и заставить уехать, убраться восвояси, сдаться на милость победителя.

— Врешь, не возьмешь, — сцепив зубы, пробормотал Иван и, вывернув руль, резко проехал вперед, заставив машину тяжело перевалиться через неровную зазубренную поверхность ямы и продолжить путь. Автомобиль было жалко чуть ли не до слез, он меньше, чем кто бы то ни было, виноват в происходящем.

Город, всего-то в сорока километрах от областного центра, тридцать тысяч жителей, некогда крупный промышленный узел, производил жуткое впечатление не столько дорогами, а скорее их полным отсутствием. Тяжкое чувство, как будто свинцовой плитой ложащееся на грудь, на давая дышать, возникло у Корсакова в тот день, когда он приехал сюда впервые, оно так и осталось.

Утром, когда он вставал с продавленного дивана, шлепал босыми ногами к окну и отдергивал шторы, это чувство поднимало тяжелую спростонья голову при первом же взгляде на улицу. Днем невыносимая тягость здешнего бытия немного отступала из-за вороха проблем и забот. Работы было много. Очень много. Так много, что иногда Корсакову казалось, что он никогда

ее не переделает и отсюда не уедет. В этот момент ему становилось страшно, но Иван отгонял от себя эти мысли и снова брался за дело.

Освободился он в начале восьмого, а то и еще позже, и по дороге домой заезжал в тусклый и унылый супермаркет со стандартным недорогим набором продуктов, так отличающимся от того, к чему он привык в родном Питере. Он покупал неестественно розовые сосиски с ощутимым привкусом бумаги, влажный, как будто склизкий хлеб, молоко в картонных коробочках и какие-нибудь консервы, а потом, стесняясь самого себя, брал еще чекушку водки. Без нее невозможно было хотя бы ненадолго забыть об окружающей серости и мерзости, к которой здесь, похоже, все так привыкли, что даже не замечали.

«Я тут сопьюсь, — мрачно думал Иван, размашисто шагая к кассе. — Я не понимаю, как можно тут жить и не пить. Что еще здесь можно делать тусклыми темными нескончаемыми вечерами? Господи, я даже никогда не думал, что можно жить именно так».

Пьяных вокруг действительно было очень много. С момента приезда Корсакову еще ни разу не попались мужчины, которых можно было бы назвать окончательно трезвыми. В первые дни его это сильно удивляло. Так сильно, что он сгоряча даже уволил трех сотрудников, явившихся на работу с запахом перегара. Через неделю он заподозрил, что такими темпами вскоре вообще останется без кадров, и репрессии притормозил, а спустя еще неделю начал по вечерам покупать заветную чекушку, чтобы хоть на время забыться.

Приобретя стандартный набор того, что здесь считалось едой (полуфабрикаты тут не держат, это же очень дорого, никому не по карману), в том, что здесь назы-

валось супермаркетом, Иван снова залез в машину, крихтя, как древний старик. Автомобиль, впрочем, крихтел тоже. Ему было неуютно и грустно под декабрьским дождем. Впереди была ночь, которую нужно было пережить в чужом, холодном, недобром дворе. Из стычки с ночью нужно было еще выйти победителем и с наименьшим ущербом, коим могли считаться снятые «дворники» или оторванное зеркало. Каждое утро, отдергивая пыльную штору, Иван готов был увидеть остов своей сгоревшей машины, или снятые с нее колеса, или разбитое боковое стекло, но пока обходилось, тьфу-тьфу.

С размаху угодив в очередную бросившуюся под колеса яму, он снова чертыхнулся и свернул с центральной «парадной» улицы, носящей имя Советская, налево, в сторону дома, в котором он снимал квартиру. Этот дом, девятиэтажный, многоподъездный, из белого кирпича, считался одним из лучших в городе. Когда-то здесь давали квартиры врачам и учителям, заодно в доме обосновались парочка адвокатов, районный прокурор и несколько сотрудников отдела полиции, так что за то, что машину еще не сожгли и не изувечили, по всей видимости, нужно было говорить спасибо именно им.

Во дворе в сентябре всюду цвели клумбы, детишки резвились на нераскуроченной горке и лазалке, у подъездов стояли аккуратные лавочки, так что, закрыв глаза, можно было представить, что ты дома, в ясном, светлом, прозрачном Питере, просто не в его центре с клодтовскими конями и филигранной роскошью старинных зданий, а на окраине, в одном из рабочих районов.

Вот только, чтобы добраться по ямам и лужам в свой двор, нужно было проехать мимо разрушенных, заброшенных кирпичных зданий — бывшего общежития

местного техникума, закрытого еще в суровые девяностые и скалящегося разбитыми окнами, а также недостроенного и брошенного дома для сирот, с окон которого когда-то украли рамы и, кажется, даже разобрали перекрытия. Деревянные ветхие дома, уже расселенные, готовые к сносу, но не сносимые из-за недостатка денег в бюджете, довершали картину полного распада. Примерно раз в неделю какой-нибудь из них горел, поджигаемый разводящими огонь бомжами или вечно обдолбанными подростками, которых, казалось, никогда не искали родители.

Каждый вечер, сворачивая к дому, Корсаков как будто попадал в декорации фильма про Сталинградскую битву. Все вокруг выглядело именно так, как после долгой и усердной бомбежки. Казалось, что война здесь до сих пор не кончилась. Иван даже иногда кидал взгляд на часы — дорогие и современные «Радо» — или вытаскивал из кармана айфон, чтобы убедить себя, что на дворе второе десятилетие двадцать первого века, а не середина двадцатого.

В другие дни его разыгрывающаяся фантазия, наоборот, подкидывала сюжетец про апокалипсис. Картина вокруг вполне могла бы служить иллюстрацией последствий ядерной войны, и Иван даже пугался, видя людей на обочинах дорог. Ему казалось, что они зомби. Впрочем, он был готов считать таковыми всех жителей этого богом забытого городишки. С его точки зрения, нормальные люди не могли добровольно выбрать такое место жительства. Им следовало уехать, вырваться отсюда, бежать, забрав детей, чтобы иметь хотя бы малейшую надежду на спасение.

Даже относительно целые дома выглядели уныло — серые, однотипные, с потеками воды на стенах, разно-

мастно застекленными балконами, заставленными всевозможным хламом. Весь город был таким, поджавшим хвост, как побитая, голодная, бездомная собака. И Иван ни за что бы тут не остался, если бы три месяца назад не купил здесь порт.

Пятнадцать лет он занимался перевозкой грузов. Профессионально занимался. Начинал с дальнобоя, приобретая бесценные навыки езды по любому бездорожью, затем по случаю купил свой первый подержанный «Вольво», затем второй, а там пошло-поехало. Сегодня фирма Корсакова держала шестьдесят процентов рынка автоперевозок центра и северо-запада России. У нее была безупречная репутация. Его машины не опаздывали, не теряли груз и не попадали в неприятности и разборки. С водителями он был строг, но справедлив, платил щедро, наказывал за дело и дурью никогда не маялся. Мужики его если и не любили, так уважали точно. И звали, несмотря на молодой еще возраст (что такое для мужика тридцать пять лет), по отчеству — Михалыч.

Заказы не переводились, кредиты, взятые на обновление автопарка, давно были выплачены, жизнь обустроена в той степени, в которой это позволяли его холостяцкие представления о ней, и Корсаков вдруг в одночасье понял, что заскучал. Ему хотелось иного простора, иного масштаба деятельности, но в той сфере, где он привык крутиться, предпосылок для этого не было никаких.

Для того чтобы найти выход, нужно было в первую очередь хорошенько подумать. Это Корсаков и сделал, для верности посоветовавшись со своим старым другом Валеркой Битнером. Толковым мужиком и успешным бизнесменом, чей совет был точно не лишним.

— Смотри, — Валерка взял салфетку и нарисовал на ней прямую линию. — Трафик перевозок по автомобильным дорогам сейчас довольно насыщенный. Ты можешь купить еще две машины, пять или десять, но кардинально ничего не изменится. Ты и так контролируешь значительную часть рынка. Больше, даже если и откусишь, то уже вряд ли проглотишь. Да и не принципиально это. В наших погодных условиях семь месяцев в году на дороге либо лед, либо снег, либо лужи, да еще в целую кучу мест не доедешь и, соответственно, груз не доставишь. Плюс еще с осени систему «Платон» введут. Слышал о такой?

— Слышал, — Иван махнул рукой. — Я посчитал, дороговато, конечно, но не убьет. Меня по крайней мере. Может, конкурентов поменьше станет, так это только хорошо.

— Все равно. На доставке автотранспортом ты выше собственной головы не прыгнешь. Значит, что?

— Что? — заинтересованно спросил Корсаков. Ему очень нравилось смотреть на своего разумного, логичного и по-немецки педантичного друга.

— Значит, надо переходить на другой вид транспорта.

— Если только на гужевой, — засмеялся Иван. — Потому как в планы РАО «РЖД» не входит делиться со мной своими прибылями. И вертолеты я пока покупать тоже как-то не планировал.

— Это особый вид деятельности, — согласился Битнер, — хотя к нему со временем, может, и стоит присмотреться. Но пока ты не готов к тому, чтобы согласовывать графики полетов. Так что остается только одно — идти водным путем.

— Это как? — глупо спросил Иван.

— А так. — Валерка пожал своими могучими плечами. — Изучи вопрос. Посмотри, где в регионах есть какой-нибудь подходящий порт. Возьми кредит и действуй. У тебя получится, ты же упертый.

Идея, несмотря на всю ее неожиданность, показалась Корсакову интересной, а главное, вполне осуществимой. За пару месяцев он действительно высмотрел подходящий со всех сторон небольшой порт на Волге. Жизнь в нем теплилась еле-еле, заказов не хватало на то, чтобы сводить концы с концами, существовал довольно приличный долг по зарплате, а вместе с ним все признаки революционной ситуации. Той самой, когда верхи не могут, а низы не хотят.

При этом парк судов оказался вполне себе приличным, производственная база требовала минимальных вложений, а большинство проблем решалось обеспечением постоянного потока заказов в течение навигационного периода. Это Корсаков в силу наработанных за долгие годы связей вполне мог обеспечить. Главное, что он должен был в случае покупки успеть сделать до начала следующей навигации, — это провести ремонт судов, закупить топливо и разгрести завалы, оставшиеся от прежнего руководства, перешерстив заодно кадры.

Его предложение купить порт было встречено основным владельцем с энтузиазмом и плохо скрываемым облегчением. Второй совладелец сделке был не рад, но понимал, что со своим миноритарным пакетом вряд ли сможет что-то изменить. Рабочие, узнав о продаже, как положено, побузили пару дней, приготовились увольняться, с горя ушли в запой, а потом вышли на работу и стали трудиться при новом хозяине так же, как при старом.

Качество и методы их работы Корсакова не устраивали категорически, поэтому, тяжело вздохнув, он перевел всю текучку по автотранспортным перевозкам на своего самого надежного зама Павла Яковлева, с которым прошел огонь, воду, медные трубы, преодолел сотни тысяч километров российских дорог и сопротивление сотен тысяч российских дураков, а сам переехал в маленький провинциальный городок, от убогости которого у него ныли все зубы, и впервые в жизни началась неумолимая депрессия, слегка сдающая позиции лишь под воздействием чекушки.

Было это в сентябре. А сейчас на дворе стоял уже декабрь. Нудный, темный, как и положено в этой широте и долготе, и сырой, ветреный, с дождем и лужами, коварно скрывающими ямы на дорогах, что в условиях данной климатической зоны было довольно странно.

«Чего удивляться, что тут даже Нового года нормального быть не может, — уныло думал Иван, паркуясь в своем дворе и вытягивая из теплого нутра машины пакет со своей нехитрой снедью. — В такой убогости не может быть места белому снегу, высокой, сияющей огнями елке, радостным лицам. Я ведь действительно за несколько месяцев ни разу не встретил здесь ни одного улыбающегося человека. Все хмурые, неприветливые, мрачные. Вот и погода хмурится, чтобы соответствовать окружающей обстановке. Ну, ничего. Доделаю все дела, поздравлю коллектив и махну тридцатого утром в Питер, домой. Отмечу Новый год по-человечески. Недаром же говорят, что, как Новый год встретишь, так его и проведешь. Если я предстоящий год проведу так же, как последние три месяца, то либо сопьюсь, либо сойду с ума. Так что уеду, ей-богу, уеду на все каникулы. Закрою избушку на клюшку. Ничего не случится за две недели. Ре-